

18+

ВЫКУП

КОНТРАКТ СГОРЕЛ.

Зоя Зной

18+

Зоя Зной

Выкуп

<https://litres.ru/74210844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Контракт на девяносто ночей исполнен. Милена Орлова уходит с сорок седьмого этажа свободной: долг обнулён, пальто на плечах, в такси — дождь и тишина. Лев Воробьёв смотрит с высоты и не звонит. Впервые за три месяца он делает то, что обещал: отпускает.

А потом приходит правда. Стол четырнадцать был не просто проигрышем. Её отца подставили. Её саму превратили в залог ещё до первой фишки. И человек, которого она считала врагом, ждал не девяносто ночей. Он ждал, пока она сама вернётся.

Милена возвращается. Не на колени. На войну. Пресса, иск, ревность, чужие деньги и своё желание, которое больше нельзя спрятать за пунктами. «Не залог», — говорит она. И впервые просит не по правилам.

На крыше «Золотого Каре» контракт сгорает. Остаётся кольцо, выбор и формула, от которой стыдно и сладко сразу: выкуп — не деньгами.

Содержание

Глава 1 · Не звонить	4
Глава 2 · Ответ	11
Глава 3 · Заказ	19
Глава 4 · Страх	27
Глава 5 · Сорок седьмой	36
Глава 6 · Папка	45
Глава 7 · К себе	53
Глава 8 · Девяносто ночей	61
Глава 9 · Без пунктов	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Зоя Зной

Выкуп

Глава 1 · Не звонить

Она ушла в двадцать три сорок семь.

Я видел жёлтое такси с сорок седьмого этажа. Машина постояла у служебного входа, приняла Милену и влилась в мокрый поток. Можно было спуститься. Можно было остановить лифт, водителя, весь город в радиусе моих полномочий.

Я не двинулся.

На столе лежал закрытый контракт. Две подписи. Девяносто исполненных ночей, ноль рублей долга, ни одного законного повода вернуть её.

Костя вошёл без стука и поставил на край стола телефон.

— Доехала?

— Села в машину.

— Это не ответ.

Он посмотрел на меня так, как позволял себе только после полуночи.

— Машина не наша. Вы сами приказали.

— Отследить.

— Уже.

Костя вышел. Я взял её ручку. Обычная, с синей пастой,

из переговорной. Милена всегда проверяла, пишет ли ручка, прежде чем поставить подпись. Даже сегодня. Особенно сегодня.

Её последний поцелуй ещё оставался на губах. Не вкус. Давление. Она целовала осторожно, будто закрывала сейф и боялась прищемить пальцы.

Я сказал, что люблю её.

Она сказала: «Знаю».

Достойный ответ женщине, которая умеет превращать признание в факт для отчёта. Ни обещания. Ни встречного долга.

Телефон лежал экраном вниз. Я перевернул его один раз. Наш диалог заканчивался сообщением:

«Такси — внизу. Не моё. Ваше.»

Доставлено.

Она не ответила.

Я набрал: «Доехали?»

Не отправил.

Удалил.

На сорок седьмом остались её вещи, которых не должно было остаться. Резинка для волос возле раковины. Чашка с тонкой трещиной на ручке — она всегда выбирала её, хотя в шкафу стояли двенадцать целых. Книга на подоконнике, заложенная моей визиткой. Чёрная шпилька под кроватью.

Я собрал всё в небольшую коробку. Не чтобы послать. Чтобы не трогать утром.

В спальне пахло её шампунем. Я открыл окно. Июльский дождь попал на паркет, холодный воздух ударил в лицо. Запах не исчез.

Телефон завибрировал.

Костя:

«Дом. Свет включился. Одна.»

Я сел на край кровати. Впервые за девяносто ночей мне не нужно было ждать лифт в полночь. Не нужно было слушать её шаги и угадывать по каблукам, злится она или боится. Не нужно было спрашивать «да?», зная, что право сказать «нет» важнее ответа.

Свобода оказалась точной формой отсутствия.

На часах — ноль ноль.

Я позвонил Марку.

— Архив стола четырнадцать.

— У меня.

— Копии?

— Две. Как приказали.

— Костин выходил на связь?

Марк задержал ответ на секунду.

— Через человека. Спрашивал, закончены ли девяносто ночей.

— И?

— Я сказал, что не знаю.

— Плохо соврали.

— Он поверил.

— Значит, плохо слушал.

Я отключился.

Дмитрий Костин умел ждать, когда чужая рана перестанет кровить и начнёт чесаться. Тогда он предлагал ноготь. Стол четырнадцать был его заказом задолго до того, как стал моей ловушкой. Он выбрал Орлова из-за клиники. Выбрал сумму, которую нельзя вернуть быстро. Выбрал вечер, когда Милена была рядом с отцом.

Я узнал достаточно рано, чтобы остановить игру.

И не остановил.

В этом заключалась правда, которую нельзя смягчить словами «я хотел её увидеть». Карты в ту ночь были честными. Встреча — нет. Костин подвёл отца к столу. Я позволил. Потом предложил условия, написанные не в ту ночь, а за три года до неё, когда аудитор Милена Орлова закрыла дело «Каре» и вышла из моего кабинета, не оглянувшись.

Сентиментальный.

Так Костин назвал меня на записи.

Он ошибся только в одном: сентиментальность не мешала мне быть жестоким.

Я подошёл к сейфу. За контрактом лежала папка без названия. Переводы через три компании, счета клиники, письма Костина, справка о Марке, который согласился дать показания, но пока не согласился остаться живым после них. Отдельно — копия первого отчёта Милены по «Лотосу». Проект, на котором Крылов заметил её. Не фирма. Она работала

в «Север-Аудит» и умела видеть цифры, если они не касались её собственной боли.

Папка предназначалась ей.

Не сегодня.

Если я позвоню, она услышит приказ. Если попрошу вернуться, услышит новый пункт. Если отвезу папку сам, это будет ещё одна покупка: правда в обмен на присутствие.

Нет.

Она должна вернуться не потому, что я держу отца, деньги или контракт. Ни одной цепи больше.

Я закрыл сейф.

В два часа поступил звонок с неизвестного номера. Я принял.

— Она получила сообщение, — сказал Костин.

Голос не изменился за два года. Мягкий, будто он продавал не людей, а хорошие места у сцены.

— Какое?

— Значит, ещё не рассказала.

— Вы спешите.

— Девяносто ночей закончились. Теперь моя очередь.

— Очереди нет.

— Лев, не надо изображать благородство. Ты купил женщину на моём столе.

Я посмотрел на две подписи.

— Вы подделали долг клиники.

— Подтолкнул. Не подделал. Георгий хотел спасти отде-

ление. Люди всегда сами называют цену тому, что любят.

— Вы назвали сумму.

— А ты — способ оплаты.

Пальцы сжали телефон. Этого он и добивался: реакции, которая звучит в записи убедительнее фактов.

— Что вы ей написали?

Костин засмеялся негромко.

— Правду. Частями. Ты ведь научил меня, что женщина охотнее идёт в клетку, если дверь открыта.

— Подойдёте к ней — пожалеете.

— Вот он. Настоящий Воробьёв. А я уже соскучился.

Связь оборвалась.

Я сразу набрал Костю.

— У дома двое. Незаметно. Никого не трогать без угрозы.

— Понял.

— Отец?

— Клиника под наблюдением.

— Марк?

— На квартире.

Четыре фигуры. Милена, её отец, Марк, Костин. И я — человек, который однажды решил, что может расставить их сам.

Больше нет.

Я открыл контакт Милены. Фотографии не было. Только имя и девяносто отметок в календаре, которые я удалил ещё днём. Набрал ещё одно сообщение:

«Не отвечайте неизвестному номеру.»

Это был приказ. Я стёр.

«Костин опасен.»

Это была половина правды. Я стёр.

«Вернитесь.»

Эти восемь букв я держал на экране дольше остальных.

Потом стёр и их.

К утру город посерел. Я не спал. На кухне осталась её чашка, в кабинете — её подпись, в сейфе — правда. Всё, чем можно было заманить, купить, напугать.

Я не воспользуюсь ничем.

В семь Костя прислал фотографию подъезда. Милена вышла в светлом плаще, с собранными волосами и телефоном в руке. Не на работу: суббота. Она остановилась у двери, прочитала что-то на экране и подняла голову.

Не ко мне. Пока.

Через минуту на мой телефон пришло сообщение от Марка:

«Костин назначил ей встречу. Кафе на Сретенке, двенадцать. Она ответила: “Приду”.»

Я положил телефон рядом с закрытым контрактом.

Если она вернётся сама, правда будет её.

Если не вернётся — я всё равно уничтожу Костина.

Глава 2 · Ответ

В восемь утра я ответила неизвестному:

«Кто вы?»

Телефон лежал на кухонном столе рядом с чашкой растворимого кофе. После сорок седьмого моя кухня казалась декорацией к жизни женщины, которая экономит на нормальных зёрнах и хранит чеки в коробке из-под обуви. То есть к моей.

Экран загорелся почти сразу.

«Человек, который оплатил место вашего отца за столом четырнадцать.»

Я перечитала дважды. Кофе остыл между ладоней.

«Имя.»

«При встрече. Сегодня, 12:00. Сретенка, 18. Кафе “Медь”. Приходите одна.»

Не «Каре». Уже хорошо. Или умно.

Переписка со Львом заканчивалась сообщением о такси. Он исполнил обещание буквально: отпустил. Меня это злило.

Я набрала Вере.

— Ты спала? — спросила она вместо приветствия.

— Часа два.

— Одна?

— Контракт закрыт.

На другом конце что-то упало. Наверное, её вечная кружка с Фемидой без одной руки.

— Ты дома?

— Да.

— Закрой дверь. Я еду.

— Не надо.

— Милена.

— Мне назначили встречу.

Она выругалась так юридически точно, что я невольно улыбнулась.

— Кто?

— Не знаю. Пишет про стол четырнадцать. Говорит, оплатил место отца.

— Никуда не идёшь.

— Иду.

— Тогда я с тобой.

— Просили одну.

— Похитители вообще любят удобных клиентов.

— Это публичное кафе в полдень.

— А яд — всё ещё помещается в сахарницу.

Я встала и вылила кофе. Руки не дрожали. Это почти убеждало.

— Вера, я сообщу адрес. Если через сорок минут не позвоню — вызывай полицию.

— Сначала позвони Воробьёву.

— Нет.

Слово вышло слишком быстро.

— Почему?

Потому что он сказал «я люблю вас» и не удержал. Потому что я ушла, чтобы доказать себе, что могу. Потому что первый же утренний страх тянул меня не к полиции, не к Вере — к человеку, от которого я освободилась двенадцать часов назад.

— Это моя правда.

— Мил, от фразы «моя правда» обычно начинаются плохие документальные фильмы.

— Адрес пришлю.

Я отключилась прежде, чем она снова произнесла его фамилию.

Я достала джинсы, белую рубашку и бельё, которое купила до Льва. Сама. В зеркале — старший аудитор «Север-Аудит», а не женщина, которую девяносто ночей раздевали по одному слову.

Телефон снова вспыхнул.

Неизвестный:

«Не предупреждайте Воробьёва. Он уже знает, кто я.»

Я отправила Вере снимок экрана и адрес. Потом включила передачу местоположения. Юридическая паранойя иногда полезнее любви.

До Сретенки ехала на метро. Вышла за десять минут до встречи.

«Медь» оказалась узким кафе без скатертей, охраны и зо-

лотых букв. Четыре столика у окна. За стойкой девушка рисовала лист на молочной пене. Я выбрала место так, чтобы видеть вход и запасную дверь возле кухни.

— Американо, — сказала я. — Без сахара.

— Большой?

— Самый большой.

Телефон положила экраном вверх. Вера прислала:

«Я в двух кварталах. Не спорь. У меня газовый баллончик и диплом.»

Я ответила:

«Не входи.»

«Через сорок минут войду вместе с ОМОНОм и мамой.»

В двенадцать ровно дверь открылась.

Мужчина лет сорока пяти снял мокрый плащ и передал его девушке за стойкой, будто бывал здесь каждую субботу. Серый костюм сидел безупречно. Лицо — приятное, если смотреть по частям: мягкий рот, светлые глаза, ухоженные руки. Вместе части складывались в человека, который заранее знает цену улыбки.

Он подошёл к моему столу.

— Милена Орлова.

Не вопрос.

— А вы опоздали с именем.

Он сел без приглашения.

— Дмитрий Костин.

Имя ударило знакомством. Досье. Бывший финансовый

директор «Золотого Каре». Четырнадцать миллионов в третьем квартале. Переводы через чужие компании. Голос на записи: *Орлова должна упасть. Лев сентиментален.*

Я не потянулась к телефону.

— У вас двадцать минут.

— Лев давал вам больше.

— Уже нет.

Костин улыбнулся.

— Значит, контракт действительно закрыт. Поздравляю.

— Вы следили?

— Я считал. Профессиональная привычка.

— У меня тоже. Поэтому начните с денег.

Официантка поставила кофе. Костин заказал чай с чабрецом. Голос у него был спокойный, почти домашний. От этого хотелось проверить, где кошелёк.

— Ваш отец нуждался в четырнадцати миллионах, — сказал он. — Клиника теряла лицензию на дорогое отделение. Банк отказал. Я предложил частного инвестора.

— Воробьёва?

— Нет. Сначала — себя.

— Зачем?

— Мне нужен был хирург с чистой репутацией и грязным балансом. Через клинику удобно проводить оборудование.

— Контрабанду?

Он размешал чай, хотя сахара не добавлял.

— Сильное слово.

— Значит, точное.

— Ваш отец отказался. Тогда я показал ему другой путь

— стол, где можно выиграть сумму за вечер.

Ладони вспотели. Я обхватила стакан, чтобы он не заметил.

— Карты были подкручены?

— В ту ночь? Нет. Марк хорош. Стол был нейтрален.

— Тогда что оплатили вы?

— Доступ. Приглашение. Кредитную линию. И уверенность Георгия Орлова, что ему позволят уйти после первой ставки.

— Не позволили?

— Он сам остался.

Это звучало как оправдание насильника, который оставил дверь незапертой.

— Вы поставили больного азартом человека перед деньгами.

— Ваш отец не игрок.

— Тогда зачем он продолжил?

Костин наклонился ближе. Запах чабреца стал резким.

— Потому что Лев вошёл в зал и посмотрел на вас.

Я не шевельнулась.

— Лев не играл.

— Именно. Он узнал вас. Через пять минут лимит стола вырос. Через десять Марк получил приказ не менять крупье. Через двадцать Воробьёв выкупил долг вашего отца у моей

компании.

— Карты были честными.

— Карты — да. Всё вокруг них — нет.

Это я уже знала. Лев сказал. Не всё.

— Вы утверждаете, что отец проиграл по приказу Льва?

— Я утверждаю, что Лев мог остановить игру на любой ставке. Не остановил. А потом превратил мой заказ в личный.

— Ваш заказ.

— Вот видите. — Костин улыбнулся шире. — Вы всё ещё защищаете его, даже когда правильно расставляете слова.

Я достала телефон и включила запись открыто.

— Повторите про заказ.

Он посмотрел на красный значок.

— Нет.

— Тогда встреча закончена.

Я встала.

— Сядьте, Милена. Я принёс доказательство.

Короткая команда почти заставила тело послушаться. Почти. Я осталась стоять.

— Попросите.

Его приятное лицо на миг стало пустым.

— Сядьте, пожалуйста.

Я села не из-за него. Из-за тонкой папки, которую он положил на стол.

Внутри была копия банковского поручения. Плательщик

— компания, которой не существовало в моём досье. Получатель — клиника отца. Назначение — консультационные услуги. Дата — за шесть месяцев до проигрыша.

Внизу — электронная подпись Георгия Орлова.

— Что это?

— Первый взнос за его согласие.

— На что?

Костин не ответил. Достал фотографию.

Отец стоял у служебного входа «Каре». Рядом с ним — Марк. Между ними папка. На обороте была дата: за неделю до стола четырнадцать.

— Ваш отец пришёл туда не впервые, — сказал Костин.

— И проигрыш был не началом сделки.

Телефон завибрировал. Сообщение от Веры: «*Сорок минут.*»

Я смотрела на подпись отца.

— Что он продал?

Костин отпил чай.

— Не что. Кого.

Глава 3 · Заказ

— Кого? — спросила я.

Костин провёл пальцем по краю фотографии.

— Вас.

Кафе не изменилось. Кофемолка за стойкой взвыла, официантка уронила ложку, за окном проехал автобус. Только слово «вас» легло между нами предметом, который нельзя обойти.

— Формулируйте точнее.

— Вы всё ещё аудитор.

— А вы всё ещё тратите мои двадцать минут.

Он положил фотографию на папку.

— Три года назад вы закрыли проверку «Каре». Ваш отчёт лишил Воробьёва лицензии на две недели и почти сорвал сделку с гостиничной сетью. Вы сделали работу блестяще.

— Я знаю.

— Лев тоже. Он запросил ваше личное дело.

— Это незаконно.

— Незаконность редко останавливала нас обоих.

— Не объединяйте себя с ним.

— Почему? Вы думаете, у хищников разные зубы, если один говорит короче?

Я потянула к себе платёжное поручение.

— При чём здесь отец?

— Георгий пришёл ко мне через посредника. Денег на отделение не было. Я предложил договор: он помогает провести закупку оборудования, получает процент.

— Он отказался.

— Сначала.

— А потом?

— Потом узнал, что ваша мать оставила долги.

Ноготь царапнул бумажный стакан. Мама умерла восемь лет назад. О долгах отец говорил один раз: «закрыл». Я поверила, потому что дочери иногда выбирают удобную цифру — ноль.

— Какие долги?

— Спросите у него.

— Вы вызвали меня не ради семейной терапии.

Костин усмехнулся.

— Георгий согласился на фиктивные консультации. Деньги шли через клинику. Потом испугался проверки. Хотел вернуть. Я предложил выход: выигрыш за столом покроет следы.

— И он должен был привести меня.

— Нет. Это условие появилось позже.

Я уже знала ответ, но заставила его произнести.

— Чьё?

— Льва.

Костин откинулся на спинку стула. Светлые глаза следили за моим лицом с профессиональной жадностью.

— Он узнал, что я работаю с вашим отцом. Предложил купить схему целиком. Долг, документы, риск. Попросил только одно: если Георгий пойдёт в «Каре», вы должны быть рядом.

— Почему отец согласился?

— Потому что боялся тюрьмы. За себя. За имя. За то, что вы узнаете, на чём держалась клиника.

— Стол четырнадцать — ваш заказ, — сказала я.

— Мой.

— Лев не подкручивал карты.

— Он подкрутил обстоятельства.

— А вы хотели отмыть деньги через больницу.

Улыбка исчезла.

— Не будьте наивной. Больницы каждый день выбирают, какие деньги считать чистыми.

— И поэтому вы решили, что отец — пешка?

— Все пешки, пока не доходят до последней клетки.

— А я?

— Вы были приманкой для Воробьёва. — Он чуть склонил голову. — И стали его слабостью. Неожиданно хороший результат.

— Вы писали: «Орлова должна упасть».

Впервые он перестал выглядеть расслабленным. Всего на миг, но я увидела.

— Где?

— На записи.

— Которую дал вам Лев.

— Которую вы сделали.

— Монтаж.

— Тогда вам не о чем беспокоиться.

Я собрала документы и встала.

— Это копии, — сказал он. — Можете забрать.

— От щедрости?

— От расчёта. Вы отнесёте их Воробьёву. Он покажет свои. Вы увидите несовпадения. Потом вернётесь.

— Не к вам.

— К правде возвращаются не по адресу.

Я убрала папку в сумку.

— Ещё одно, Милена. Лев сентиментален, но не добр. Он ждал вас три года. Ваш отец дал ему возможность. Девяносто ночей — не расплата за долг. Это срок, который он придумал заранее.

Слова попали в старую рану. Я не позволила ему увидеть.

— Вы хотите, чтобы я его ненавидела.

— Я хочу, чтобы вы перестали путать короткие реплики с честностью.

— А длинные — с доказательствами.

Я вышла.

Вера стояла у витрины соседнего книжного, держа сумку так, будто внутри действительно лежали диплом и оружие. Увидела меня, шагнула навстречу.

— Кто?

— Костин.

— Тот самый?

— Да.

— Где он?

— Допивает чай.

Вера посмотрела сквозь стекло кафе.

— У него лицо человека, который судится из принципа и взыскивает расходы.

— Он дал документы на отца.

— Не открывай на улице.

— Уже открыла.

— Тогда не верь на улице.

Мы дошли до её синей машины. Я положила папку на колени.

— К Льву? — спросила Вера.

— Нет.

— Хорошо.

— К отцу.

— Это хуже.

Она не завела двигатель.

— Рассказывай.

Я пересказала только факты: платёж за полгода до проигрыша, фиктивные консультации, фотография с Марком, условие привести меня. Без того, как Лев ждал три года. Без девяноста ночей, которые он будто бы придумал заранее. Некоторые факты слишком похожи на прикосновение: пока

не назовёшь, можно выдержать.

— Копию мне.

— Зачем?

— Проверю компанию-плательщика, подпись, метаданные. И договор, если он существует.

— Позвони сначала.

Я набрала отца. Он ответил после четвёртого гудка.

— Милена? Ты дома?

— Где ты?

— В клинике. Дежурство.

— В субботу?

— Операция перенеслась.

Он лгал плохо. После проигрыша — ещё хуже.

— Я приеду.

— Не надо.

— Надо.

— Милена, я занят.

— Тогда освободи кабинет через час.

Я отключилась.

Вера подняла бровь.

— Девяносто ночей с Воробьёвым не прошли даром.

Щёки обожгло. Не от комплимента.

— Не начинай.

— Я не про секс. Хотя и про него тоже. Ты говоришь его глаголами.

— Я говорю своими.

— Вот это и придётся доказать.

Она завела машину.

По дороге я смотрела документы. Платёж пришёл от ООО «Меридиан-Мед». В открытых данных директор менялся четырежды за три года. Учредитель — кипрская компания. След Костина был слишком аккуратным, чтобы оказаться случайным, и слишком явным, чтобы быть подарком.

Фотография отца с Марком имела дату, но не время. За ними — служебный вход «Каре». Отец держал папку левой рукой. Он левша только когда правая болит после операций.

— Останови, — сказала я.

Вера прижалась к обочине.

Я увеличила фотографию. На стекле двери отражался человек с телефоном. Серый костюм. Лицо не разобрать. На руке — часы с тёмным прямоугольным корпусом.

Такие были у Костина сегодня.

— Он сам сделал снимок, — сказала я.

— Или хочет, чтобы ты так подумала.

— Он был там.

— Это доказывает присутствие. Не версию.

Я отправила фотографию себе и Вере. Потом заметила склеенный с другим край листа в папке. Разделила.

Это было письмо без подписи:

«Г.О. подтверждает согласие обеспечить присутствие М.О. в игровом зале. В случае отказа договор финансирования клиники прекращается, материалы передаются в пра-

воохранительные органы.»

Ниже — дата за три дня до проигрыша.

И приписка от руки:

«Л.В. просил нейтральный стол. Д.К. гарантирует результат и долг.»

Л.В. — Лев Воробьёв.

Д.К. — Дмитрий Костин.

Один просил встречу.

Другой гарантировал ловушку.

Я сложила лист пополам.

— Едем, — сказала Вере. — Отец сейчас расскажет, кого из них боялся больше.

У входа в клинику меня уже ждал мужчина из охраны «Каре».

Не Костя.

Он протянул телефон:

— Лев Воробьёв просил передать: не входите одна.

Я не взяла аппарат.

— Передайте Льву: контракт закрыт.

Охранник убрал телефон, но от двери не отошёл.

— Это не приказ, Милена Сергеевна. В кабинете вашего отца кто-то есть.

Глава 4 · Страх

— Кто в кабинете? — спросила я.

Охранник «Каре» смотрел не на меня, а на стеклянные двери клиники.

— Мужчина вошёл десять минут назад. По камерам — человек Костина.

— Позвоните Косте, — сказал охранник мне. — Он объяснит.

— Я позвоню полиции.

— Можно. Мужчина уже выходит.

Двери разъехались. Мимо прошёл худой человек в дешёвой куртке. Охранник его сфотографировал.

— Теперь можно? — спросила я.

— Да.

— Я не спрашивала разрешения.

Я вошла. Вера догнала у лифта.

— Ты сейчас очень убедительно злишься не на того.

— Знаю.

— Хорошо.

В кабинете отца пахло антисептиком и крепким чаем. Он сидел за столом в халате, хотя операций сегодня не было. Рукава застёгнуты неровно. На блюде — две чашки.

— Кто приходил?

Отец посмотрел на Веру.

— Семейный разговор.

— Вера останется.

— Милена...

— Она останется.

Вера села у двери и достала блокнот. Отец узнал этот жест: не подруга, юрист.

Я положила перед ним фотографию и платёжное поручение.

— Объясни.

Он не спросил, откуда документы. Плечи опустились, будто он ждал их всё утро.

— Костин?

— Значит, настоящие.

— Часть.

— Какая?

— Деньги пришли. Подпись моя. Оборудование было нужно немедленно. Я искал инвестора.

— И нашёл отмывание денег.

— Я не знал вначале.

— Когда узнал?

Он промолчал.

— До первого перевода или после?

— После.

— Вернул?

— Не мог.

— Потому что деньги потратил?

— Потому что тогда закрыли бы отделение! — Чай выплеснулся на блюдце. — Двадцать семь пациентов ждали операции. Люди.

— И поэтому цифры можно подделать?

— Я спасал их.

— А потом спасал себя.

Он отшатнулся, хотя я не подняла голоса. Мне стало больно. Не настолько, чтобы остановиться.

— Мама оставила долги?

— Были. Я не хотел, чтобы ты платила.

— Поэтому заплатил мной?

Отец побледнел.

— Я не продавал тебя.

— Вот письмо.

Я развернула лист с инициалами. Он прочитал. Потом снял очки и положил их на стол очень бережно.

— Этого я не подписывал.

— Там нет подписи.

— И слов таких не говорил.

— Но привёл меня в «Каре».

— Да.

Одно слово. Наконец без защиты.

— Зачем?

— Лев Воробьёв обещал закрыть финансирование клиники и выкупить обязательства у Костина. Условие — ты придёшь в зал. Только придёшь. Он сказал, что хочет погово-

ритель с тобой о старом аудите.

— Ты поверил?

— Я хотел поверить.

— А стол?

— Костин предложил сыграть. Сказал, что лимит даст возможность вернуть всё сразу. Я думал, одна ставка.

— Ты проиграл четырнадцать миллионов не одной ставкой.

Отец посмотрел на свои руки.

— После первой я понял, что меня ведут. Костин подошёл сзади и сказал: если встану, документы уйдут в прокуратуру. Если продолжу, Воробьёв выкупит долг.

— И ты продолжил.

— Да.

— Пока я сидела рядом.

— Я боялся.

— За меня?

— За всё.

— Я продал не тебя, — сказал он. — Я продал страх. Костину — страх тюрьмы. Воробьёву — страх потерять клинику. Тебе оставил счёт.

Я отвернулась к окну.

— Что было до стола? — спросила Вера. — Все встречи, документы, носители.

Отец посмотрел на неё.

— Есть договор.

— Где?

— Не здесь.

— Человек Костина приходил за ним? — спросила я.

Он кивнул.

— Сказал уничтожить. Иначе всплывёт закупка, клинику лишат лицензии.

— Где договор?

Отец встал. Из шкафа достал старую медицинскую энциклопедию, раскрыл вырезанный блок страниц. Внутри лежала флешка.

— Бумаги я отдал Льву после проигрыша. Копии сохранил. На всякий случай.

— Почему не показал раньше?

— Потому что там моё согласие. Не на тебя. На сделку. Но тебе будет всё равно.

Я взяла флешку. Пластик нагрелся от его ладони.

— Мне не всё равно.

— Милена...

— Мне важно, в какой момент ты выбрал себя.

Он сел обратно.

— В тот момент, когда должен был выбрать тебя.

Вера открыла старый ноутбук без доступа в интернет. На носителе были договор, переписка, аудиозапись и таблица выплат.

В договоре Костин назывался консультантом. Лев — будущим цессионарием, человеком, который получит право тре-

бования. Условие о моём присутствии было в приложении, добавленном позднее.

Формулировка:

«Заёмщик обеспечивает знакомство цессионария с Миленой Георгиевной Орловой в нейтральной публичной обстановке. Иные обязательства в отношении указанного лица отсутствуют.»

Нейтральная публичная обстановка.

Стол четырнадцать.

В свойствах файла сохранилась удалённая строка:

«Результат игры обеспечивает сторона Д.К.»

— Вот гарантия, — сказала Вера. — Костин обещал результат. Лев просил знакомство.

— Лев знал, что будет долг.

— Возможно.

— Он выкупил его через двадцать минут.

— Это доказывает готовность. Не знание способа.

Я включила аудиозапись.

Сначала голос отца:

«Только разговор. Милена не отвечает по моим обязательствам.»

Потом Костин:

«Разумеется. Лев просил нейтральный стол. Он сентиментальный, не сутенёр.»

Шорох. Третий голос — Марк:

«Карты не трогаю. Если нужен проигрыш, ищите друго-

Костин ответил:

«Карты и не нужны. Орлов будет ставить, пока я решаю ему бояться.»

Запись закончилась.

В кабинете стало слышно, как в коридоре катят тележку с инструментами.

Отец не смотрел на меня.

— Марк предупреждал? — спросила я.

— Он дал мне флешку после игры. Сказал: храните.

— Значит, у него есть оригинал.

— Наверное.

Я скопировала файлы на ноутбук Веры и на свой защищённый диск. Флешку оставила себе.

— Ты уедешь из клиники, — сказала я отцу.

— У меня пациенты.

— На несколько дней.

— Куда?

— К Вере.

— Я не буду прятаться.

— Это не просьба.

Собственный голос напомнил мне Льва. Я ненавидела сходство. И нуждалась в нём.

Отец посмотрел на меня долго, потом кивнул.

В коридоре я набрала номер охранника «Каре». Ответил Лев.

— Говорите.

Ни приветствия. Ни удивления. От его голоса кожа под рубашкой стала слишком тесной. Предательская реакция после свободы.

— Охрана у клиники останется?

— Да. Это не контракт. Угроза вам, отцу и Марку.

— У меня флешка.

Теперь секунду молчал он.

— От Орлова?

— Запись Костина. Договор. Удалённая строка.

— Не подключайте её к сети.

— Уже проверили отдельно.

— Хорошо.

Одно слово легло на кожу почти как ладонь. Я сжала телефон.

— Мне нужна вся правда.

— Она у меня.

— Тогда привезите папку.

— Нет.

Злость вернула воздух.

— Вы опять ставите условия?

— Одно. Приезжайте сами.

— На сорок седьмой?

— Да.

Лифт клиники открылся. В зеркальной стене я увидела себя: белая рубашка, флешка в кулаке, щёки слишком живые

от одного его голоса.

— Когда?

— Сегодня. Полночь.

— Без контракта.

— Без него.

— И без секса.

Лев выдохнул едва слышно.

— Как скажете.

Я прикрыла глаза. Стыд был не в том, что я боялась его условий. В том, что он согласился, а тело успело пожалеть.

— Да? — спросил он.

Старое слово. Новое право.

— Да. Я приду за правдой.

Глава 5 · Сорок седьмой

В одиннадцать пятьдесят восемь я вошла в «Золотое Ка-ре».

На мне были джинсы, белая рубашка и пиджак «Се-вер-Аудит». Одежда для вскрытия чужой лжи.

Костя ждал у лифта В.

— Милена Сергеевна.

Раньше он говорил только «добрый вечер» и забирал пальто. Сейчас протянул гостевую карту.

— Мой пропуск аннулирован?

— Вчера в двадцать три сорок восемь.

Лев не оставил даже технической цепи.

— Быстро.

— Был приказ.

— Конечно.

Я приложила карту. Костя остался внизу.

Лифт поднимался знакомо мягко. На сорок шестом ладо-ни стали влажными.

Двери открылись.

Лев стоял не у лифта. У окна кабинета, в тёмных брюках и белой рубашке с закатанными рукавами. Без пиджака. Без галстука. Шрам у ключицы скрыт тканью, но я знала точное место.

Тело узнало его раньше гордости.

— Вы опоздали на минуту, — сказал он.

Я посмотрела на часы.

— Ваш лифт ехал медленно.

— Мой лифт не виноват.

— Тогда запишите нарушение.

Его рот едва изменился.

На столе лежала серая папка. Рядом — бутылка воды и два стакана. Ни виски, ни контракта.

— Садитесь.

— Я постою.

— Как хотите.

Он не подошёл. Это оказалось хуже. Между нами было четыре метра, и каждый я чувствовала кожей.

— Охрана у клиники останется, — сказал Лев.

— Сначала папка.

— Сначала безопасность.

— Моя безопасность больше не ваш пункт.

— Костин угрожал вашему отцу.

— Его человек потребовал флешку. Это шантаж.

— Мужчина у клиники дважды привлекался за нападение.

Я сжала ремень сумки.

— Откуда знаете?

— Проверил.

— За десять минут?

— За четыре.

Власть Льва всегда звучала буднично. Он мог разрушить чужую жизнь между двумя глотками воды и не повесить голос. Раньше это пугало. Потом возбуждало. Сейчас делало оба сразу, и за второе было стыднее.

— Охрана останется, — повторил он. — Без слежки за вами. Только клиника и квартира Веры, пока там Орлов.

— Вы уже знаете, где отец.

— Да.

— Это называется слежкой.

— Это называется Костя.

— Очень убедительная юридическая категория.

Лев налил воду в один стакан и подвинул к краю стола.

— Вы не ели.

— Не начинайте.

— Вода.

Я взяла стакан. Его пальцы лежали в нескольких сантиметрах, и я выпила слишком быстро.

— Теперь папка.

— Флешка.

— Копия у Веры.

— Хорошо.

Я положила носитель на стол, но ладонь не убрала.

— Мы смотрим вместе.

— Да.

— Ничего не удаляете.

— Нет.

— И отвечаете на каждый вопрос.

Он поднял глаза.

— Постараюсь.

— Неверный ответ.

Лев обошёл стол. Остановился напротив, не касаясь меня.

— Я отвечу на всё, что не подвергнет вас опасности.

— Опять решаете.

— Да.

— Тогда я уйду.

Я развернулась. Он не схватил. Не приказал остановиться.

— Милена.

Только имя.

Я замерла у двери и возненавидела себя за это.

— Костин хочет, чтобы вы знали достаточно для ярости и недостаточно для защиты, — сказал Лев. — Я не дам ему второго.

— А первое?

— Вы заслужили.

Я обернулась.

— Не говорите так, будто моя злость — подарок.

— Не говорю.

Он стоял там же. Руки свободно опущены. Ни одного движения ко мне.

— Я позволил вашему отцу продолжить игру, — сказал он. — Знал, что Костин давит. Знал, что долг перейдёт ко мне. Не знал о гарантии результата до утра после игры. Но

готовил контракт заранее.

Слова были знакомы по кускам. Вместе резали чище.

— Девяносто ночей?

— Да.

— До проигрыша.

— Да.

— Вы знали, что отец не сможет выплатить.

— Знал.

— И ждали меня.

— Три года.

Горло пересохло.

— Почему девяносто?

Его взгляд опустился на мою руку у двери.

— Потому что одного разговора вы бы мне не дали.

— А девяносто ночей — дали вы себе.

— Да.

Ни оправдания. Ни красивой лжи. От честности хотелось ударить сильнее.

— Вы могли просто позвонить.

— Вы блокировали номера после первого звонка.

Я вспомнила. Три года назад, после аудита, неизвестный мужчина попросил встретиться и обсудить «личную цену отчёта». Я решила, что клиент хочет купить исправления. Сбросила, внесла номер в чёрный список.

— Это были вы?

— Да.

— И вместо письма выбрали долг.

— Письма тоже были.

— Я не получала.

— Крылов возвращал их юристам «Каре».

Ещё одна деталь. Ещё один человек в сети.

— Почему он не сказал?

— Спросите у него.

Я вернулась к столу и села. Не потому что Лев велел. Потому что ноги перестали быть надёжными.

— Показывайте.

Он подключил флешку к отдельному ноутбуку. Я встала рядом. Плечо Льва оказалось близко, тепло шло сквозь рубашку. Я отступила на полшага.

Мы прослушали запись. Он не изменился, услышав голос Костина. Только пальцы на краю стола побелели.

— Марк дал её отцу, — сказала я.

— Не по моему приказу.

— У него была совесть?

— Иногда мешает работе.

— Вам знакомо?

Лев посмотрел прямо.

— Теперь — да.

Я первая отвела глаза.

Он открыл свою папку, но не отдал. Перелистнул несколько документов и вынул один лист.

— Это договор покупки долга. Время подписания — два-

дцать один четырнадцать. Через тридцать две минуты после первой ставки Орлова.

— Вы были готовы.

— Да.

— Костин утверждает, что вы подняли лимит стола.

— Поднял.

— Почему?

— Чтобы сумма перешла ко мне быстрее, чем он успеет оформить её на третью сторону.

— И чтобы отец проиграл больше.

— Да.

Я ударила его ладонью по лицу.

Звук получился сухим. Голова Льва повернулась на несколько градусов. На щеке проступил красный след.

Он не коснулся меня.

— Ещё? — спросил.

Ладонь горела.

— Не смейте.

— Что?

— Принимать это так, будто вы разрешили.

— Хорошо.

— И не говорите «хорошо».

Он замолчал.

Я должна была уйти. Вместо этого смотрела на след своих пальцев на его коже и чувствовала под злостью другое — животное, постыдное желание коснуться губами того же места.

Лев увидел. Конечно.

— Нет, — сказала я.

— Я не двигался.

— Но подумали.

— Да.

Коротко. Без защиты.

Я упёрлась ладонями в стол.

— Я пришла за правдой.

— Она ваша.

Он наконец подвинул серую папку ко мне.

— Забирайте.

— Просто так?

— Я ждал вас. Не долг.

Я прижала папку к груди. На его щеке оставался мой след.

Между нами не было контракта, но власть никуда не исчезла. Она просто стала опаснее: теперь я могла уйти, а он не останавливал.

У лифта я нажала кнопку.

— Милена.

Я не обернулась.

— Костин знает о папке. До утра он попробует вернуть её.

Двери открылись.

— Пусть попробует.

— Не одна.

Я вошла в кабину.

— Это приказ?

— Просьба.

Странное слово его голосу не подходило.

Я посмотрела на него в последний миг.

— Тогда попросите правильно.

Лев подошёл на один шаг. Не ближе.

— Оставайтесь здесь до утра.

Тело ответило раньше меня — жаром под ремнём джинсов. Ненавижу. Хочу. Свободна.

— Без секса, — напомнила я.

— Без.

— И дверь спальни закрыта.

— Да.

Я вышла из лифта обратно.

— Только до утра.

Лев нажал кнопку закрытия дверей.

— Только правда.

Глава 6 · Папка

Я читала до четырёх утра.

Лев отдал мне кабинет и ушёл в спальню. Не запер папку, не забрал телефон, не поставил Костю за спиной. На столе появились кофе, бутерброды и зарядка для моего ноутбука. Власть через заботу всё равно оставалась властью: он знал, что я забуду поесть, раньше меня.

Я съела половину бутерброда назло. Вторую — потому что была голодна.

Папка состояла из шести разделов.

Первый — клиника. Платежи «Меридиан-Мед», фиктивные консультации, закупка томографа через посредника Костина. Отец подписал три документа. В четвёртом его электронную подпись скопировали.

Второй — стол четырнадцать. Служебные записки, повышение лимита, журналы камер. На каждой странице время. Лев не прятал собственные приказы.

Третий — Марк. Его настоящее имя — Марк Лебедев, не Маркелов, как стояло в старой отчётности. Он работал на Костина до увольнения того из «Каре», потом остался у Льва. Двойной человек в идеально выглаженном жилете.

Четвёртый — компании за рубежом. Деньги уходили из «Меридиан-Мед» через Ригу и возвращались в казино как плата за консультации. Костин забирал процент.

Пятый — я.

Тонкая стопка.

Мой отчёт по «Каре». Копии писем, которые Лев отправлял в «Север-Аудит». Ответы юридического отдела: контакт с аудитором запрещён. Распечатка звонка, который я заблокировала. Фотография с конференции: я у стойки с бейджем, смотрю в сторону сцены. На обороте его почерком: *«Не подходит. Она работает.»*

Шестой раздел был пуст.

На разделителе написано: *«После контракта»*.

Я услышала шаги и закрыла папку.

Лев вошёл в другой рубашке. Волосы влажные после душа, на щеке едва заметен мой след. Он поставил рядом ещё кофе.

— Вы спали? — спросила я.

— Нет.

— Почему не вошли раньше?

— Дверь была закрыта.

Я сама потребовала закрытую дверь спальни. Он перенёс правило на кабинет. Это могло быть уважением. Могло — способом заставить меня заметить уважение.

— Что в шестом разделе?

— Ничего.

— Почему он есть?

— Для того, что вы решите добавить.

— Вы оставили место в досье на мою жизнь?

— На доказательства против Костина.

— Подписали двусмысленно.

— Да.

Я открыла раздел Марка.

— Он работал на Костина.

— Работал.

— И в ночь проигрыша подчинялся вам.

— Да.

— Кому он верен?

— Себе.

— Удобный сотрудник.

— Живой.

Лев сел напротив. Не за своё обычное место во главе стола. От этого стол казался меньше.

— Почему Марк дал отцу запись?

— Страховка. Если Костин уберёт Орлова, копия уйдёт мне.

— А если вы уберёте?

— Костину.

— Он страховал отца от вас обоих.

— Правильно.

Я перелистнула журналы камер.

— Где запись самой игры?

— В сейфе Марка.

— Вы её видели?

— Только копию до полуночи. Потом архив заменили.

— Кто?

— Человек Костина в службе безопасности.

— Значит, доказательства подкрутки нет.

— Карты не трогали.

— Подкрутка была в кредите, лимите, угрозе отцу.

— Да.

— Вы знали об угрозе?

— Увидел, как Костин подошёл к нему. Не слышал слов.

— И подняли лимит после этого.

— Да.

Я закрыла глаза на секунду. Он не давал мне лёгкого выхода — нельзя было поймать на одной лжи и выбросить целиком. Каждое признание делало его виновнее и почему-то надёжнее.

— Почему вы не отдали папку раньше? Во время контракта.

— Вы бы решили, что это оправдание.

— А сейчас?

— Сейчас тоже.

— Тогда зачем?

Лев посмотрел на пустой раздел.

— Потому что Костин начал войну.

— Не ради меня?

Вопрос вырвался до того, как гордость успела его задержать.

— Ради вас, — сказал он. — Но не чтобы вы вернулись.

Я встала и подошла к окну. Город внизу был серым, утренним, равнодушным. В стекле отражались мы оба: я с папкой, он за столом. Раньше в этом отражении на мне бывало меньше одежды и больше правил.

— Вы сказали, что ждали меня, а не долг.

— Да.

— Это должно что-то исправить?

— Нет.

— Тогда перестаньте говорить правильные вещи.

— Какие?

— Те, после которых труднее уйти.

Он опустил взгляд на чашку.

— Хорошо.

— И снова это слово.

— Больше не буду.

Несколько секунд он действительно ничего не говорил.

Я вернулась к папке.

— В документах есть Крылов.

— Два письма.

— Он возвращал ваши обращения.

— Юристы возвращали. Крылов подписывал.

— Почему?

— Конфликт интересов. Вы вели «Каре».

— После закрытия проверки тоже.

— Спросите у него.

— Спрошу.

Я нашла таблицу переводов и сфотографировала.

— Костин сейчас владеет казино на Рублёвке?

— Через партнёров.

— Деньги из клиники дошли туда?

— Часть.

— Можно доказать?

— Крылов может. У «Север-Аудит» сохранились рабочие файлы «Лотоса» и «Каре». В них совпадает посредник.

— Вы уже обращались к нему?

— Вчера.

— За моей спиной.

— После угрозы.

— Это моя работа.

— Именно поэтому он ответил вам, не мне.

Лев подвинул телефон. На экране было письмо от Крылова:

«Материалы передам Орловой при официальном назначении. Без неё разговоров не будет.»

Я прочитала ещё раз.

— Он защищает меня?

— Фирму.

— Вы не любите допускать хорошее в людях.

— Допускаю. Проверяю.

За окном рассвело окончательно. Я собрала бумаги, но Лев остановил меня словом:

— Оригинал оставьте.

— Вы сказали, папка моя.

— Копия — ваша. Оригинал опасно носить.

— Решу сама.

— Тогда возьмите сейф-пакет.

Он достал плотный пакет с пломбой и положил рядом. Не отнял. Предложил инструмент.

Я упаковала оригиналы.

— Костя отвезёт.

— Я вызову такси.

— Машину проверили.

— Лев.

— Вы свободны отказаться.

От этой фразы стало хуже, чем от приказа.

— Хорошо. Пусть отвезёт к Вере.

Он кивнул.

У лифта Лев держался на расстоянии. Я нажала кнопку.

— Вы не спросили, почему я ответила Костину, — сказала я.

— Это был ваш выбор.

— Вам не всё равно.

— Нет.

— И вы не будете запрещать?

— Нет.

Двери открылись.

Я шагнула внутрь, затем обернулась.

— Если я добавлю что-то в шестой раздел, это будет не

о нас.

— Нас нет.

Он произнёс ровно. Честно. Больно.

Я нажала первый этаж.

Перед тем как створки сошлись, Лев сказал:

— Но место всё равно ваше.

В машине Костя молчал до Садового кольца. Потом подал мне телефон с открытым сообщением службы безопасности.

Фотография входа в дом Веры. На капоте её синей машины лежала белая больничная перчатка. Внутри — пуля.

Подпись с неизвестного номера:

«Папка принадлежит не ей.»

Я закрыла экран.

— Разворачивайтесь, — сказала Косте.

— На сорок седьмой?

— Нет. В «Север-Аудит».

Папка лежала у меня на коленях.

Теперь в шестом разделе было что хранить.

Глава 7 · К себе

Вера вошла в переговорную «Север-Аудит» с пулей в пакете для заморозки.

— Другого не нашла, — сказала она. — На пакете были пельмени. Не осуждай.

Крылов посмотрел на неё поверх очков.

— Полиция?

— Заявление зарегистрировали. Отпечатков на перчатке, скорее всего, нет. Камера у подъезда смотрит на мусорный бак, потому что управляющей компании важнее ловить нарушителей сортировки.

Отец сидел рядом, серый после бессонной ночи. Костя остался за дверью. Его присутствие ощущалось по тому, как сотрудники обходили переговорную дальше обычного.

Я положила на стол копии из папки.

— Мне нужен официальный доступ к архивам «Каре» и «Лотоса».

Крылов не прикоснулся к документам.

— Вы в отпуске до понедельника.

— Отмените.

— Нет.

— Тогда я работаю как частное лицо.

— Тогда вы не получите ни одного файла фирмы.

— Костин угрожает свидетелям.

— Поэтому действовать нужно чисто.

Вера открыла рот, но я подняла руку.

— Что требуется?

— Заявление о конфликте интересов. Полное. Контракт, отношения с Воробьёвым, долг отца.

Щёки нагрелись. В этой комнате сидели отец, начальник и лучшая подруга. Люди, которым я меньше всего хотела объяснять девяносто ночей.

— Контракт закрыт.

— Для аудита — нет. Он влияет на независимость.

— Я могу работать под внешним контролем.

— Можете. Если комиссия согласится.

— Когда?

— Во вторник.

— Поздно.

Крылов наконец взял первый лист.

— Тогда убедите меня дать временный доступ.

Я рассказала всё, кроме деталей тела. Долг. Условия. Девяносто ночей. Закрытие контракта. Сообщение Костина. Папка Льва. На слове «близость» отец уставился в стол. Вера смотрела только на меня.

Крылов задавал вопросы как на проверке:

— Воробьёв когда-либо требовал изменить вывод аудита?

— Нет.

— Давал деньги лично вам?

— Нет.

— Угрожал отцу в случае отказа от отношений?

— Нет.

— Вы возвращались по принуждению?

Я вспомнила каждое «да?». Каждую ночь, когда могла произнести стоп. Не произносила.

— Сначала — из-за договора. Потом — сама.

Отец резко встал.

— Я выйду.

— Сядь, — сказала я.

Он сел.

Мне было жестоко держать его здесь. Но его стыд больше не должен был становиться моим тайным счётом.

— Я сама, — повторила я. — Это не отменяет манипуляции с долгом. Но это факт.

Крылов записал.

— Вы сейчас состоите в отношениях с Воробьёвым?

В памяти прозвучало: *Нас нет.*

— Нет.

Слово царапнуло горло.

— Хотите состоять?

— Это не вопрос аудита.

— Это главный вопрос независимости.

Я посмотрела на папку.

— Не знаю.

Крылов закрыл блокнот.

— Вот первый честный ответ, который создаёт проблему.

— Зато честный.

— Поэтому дам доступ. Только чтение. Вера — независимый наблюдатель. Все находки сразу копируются в защищённое хранилище фирмы.

— А Лев?

— Не получает ничего без письменного запроса.

— Согласна.

— И вы не ночуете на сорок седьмом во время проверки.

Вера кашлянула. Отец закрыл глаза.

— Вы не можете определять, где я ночую.

— Могу определить, при каких условиях вы работаете с материалами.

— Тогда найдите другого аудитора.

Крылов выдержал мой взгляд.

— Другой не увидит то, что видите вы.

— Значит, доверяйте профессионалу.

— Я доверяю. Женщине, которая спала с объектом проверки, — нет.

Вера поднялась.

— Осторожнее.

— Нет, — сказала я ей. — Пусть закончит.

Крылов снял очки.

— Орлова, я не осуждаю вас. Но Костин будет. Пресса будет. Комиссия будет. Если хотите вести эту проверку, научитесь слышать формулировку и отвечать фактами, а не яростью.

Я вдохнула.

— Факт: личные отношения не повлияли на мои выводы. Факт: контракт завершён. Факт: я раскрыла конфликт. Факт: ограничение моей постели не усиливает контроль качества.

Уголок рта Веры дрогнул.

— Хорошо, — сказал Крылов. — Условие снимаю. Вместо него — ежедневная декларация контактов с Воробьёвым.

— Принимаю.

Он протянул временный пропуск в архив.

Отец попросил отвезти его к Вере. Костя повёл его к машине. В коридоре подруга схватила меня за локоть.

— Нам нужно поговорить без мужчин, начальников и боеприпасов.

Мы закрылись в маленькой кухне. Кофемашина мигала ошибкой, поэтому Вера налила воду из кулера.

— Не возвращайся к нему, — сказала она.

— Я не возвращалась. Я забрала папку.

— Ты осталась на ночь.

— В кабинете.

— Мил.

— Без секса.

— Дело не в сексе.

— Ты первая обычно утверждаешь обратное.

Она не улыбнулась.

— Он организовал ловушку. Пусть Костин сделал грязную часть, Воробьёв увидел шанс и взял тебя долгом.

— Я знаю.

— Тогда почему защищаешь?

— Я не защищаю. Разделяю вину.

— Как таблицу?

— Да. Потому что если сложить всех в одну колонку

«монстры», Костин уйдёт.

Вера поставила стакан.

— А Лев останется.

Вот чего она боялась. Не моей ошибки в расследовании.

— Возможно.

— Он любит власть над тобой.

— Да.

— Тебе это нравится.

Я посмотрела на неисправную кофемашину.

— Да.

Произнести оказалось легче, чем ожидала.

— И тебя это пугает.

— Очень.

— Тогда уйди.

— Я уже уходила.

— И?

Я вспомнила пустую квартиру, растворимый кофе, его молчание в переписке. Свобода была настоящей. Желание тоже.

— Не помогло.

Вера провела ладонью по лицу.

— Милена, я не могу снова собирать тебя после него.

— Не собирай.

— Что?

— Я не разбитая вещь. И не возвращаюсь к нему.

— А куда?

Я взяла стакан и выпила воду.

— К себе.

— Очень красиво. Практически ничего не значит.

— Значит. Если я выберу Льва, это будет не из-за долга.

Не из-за отца. Не потому что он велел. И если не выберу — тоже сама.

Вера долго смотрела на меня.

— Я имею право ненавидеть его?

— Обязана. Иначе кто будет проверять мою голову?

— Табличное сердце снова запустилось?

— В безопасном режиме.

Она обняла меня. Коротко.

— Тогда возвращайся к себе. Но пароль никому не говори.

В архив мы спустились вдвоём. Крылов открыл доступ к проектам. «Лотос» был старой гостиничной сетью, где я впервые нашла схему Костина. «Каре» — местом, где эта схема меня догнала.

Первое совпадение обнаружилось через час: «Меридиан-Мед» платил той же рижской компании, что получала деньги от «Лотоса» три года назад.

Второе — подпись согласующего: Д. Костин.

Третье заставило Веру выпрямиться.

В служебной переписке «Лотоса» было письмо Крылову:

«Если Орлова продолжит проверку, опубликуем материалы о её матери. Предложите снять аудитора.»

Отправитель скрыт.

Вложение называлось: «*Орлова_90_ночей_анонс*».

Дата — вчера.

Файл должен был появиться три года назад. Кто-то загрузил его в старый архив сейчас.

Я открыла вложение.

На экране была фотография, сделанная у окна сорок седьмого этажа. Моё лицо, ладони на стекле, Лев за спиной.

И заголовок будущей статьи:

«Аудитор “Север-Аудит” получила клиента через постель: девяносто ночей Милены Орловой».

Глава 8 · Девяносто ночей

Статья вышла в девять шестнадцать.

Костин не стал ждать заголовка из вложения. Он выбрал хуже:

«Цена аудита: дочь хирурга отработала долг в постели владельца казино».

Фотография была та же. Подпись давала имя, должность, сумму долга и срок контракта.

За первые двадцать минут мне позвонили семь журналистов, два бывших коллеги и Алина.

Алину я сбросила.

Крылов собрал руководство в переговорной. Телефоны лежали экраном вниз.

— Комментариев не даём, — сказал он. — Внутренняя проверка начата. Орлова временно отстранена от клиентских проектов.

— Если вы меня отстраните, статья получит подтверждение, — сказала я.

— Если не отстраню, клиенты потребуют объяснений.

— Дайте факты.

— Какие? Что секс за долг был, но аудит честный?

Слова уже не резали. Крылов предупреждал. Я отвечала фактами.

— Да. Контракт существовал. Был закрыт. Он не связан

с оплатой услуг «Север-Аудит». Проверку «Каре» я не вела единолично. Выводы подтверждены независимым пересмотром.

— И фотография?

— Сделана без согласия.

Юрист фирмы покачала головой.

— Публикация касается частной жизни, можно требовать удаления. Но эффект Стрейзанд...

— Не удалять, — сказала я. — Фиксировать.

Крылов посмотрел внимательнее.

— Для иска?

— Для связи с Костиным. Вложение появилось в архиве через учётную запись бывшего администратора. Нужны журналы доступа.

— Уже запросил.

Телефон на столе завибрировал. Мой. Сообщение от Льва:

«Не комментируйте. В двенадцать пресс-конференция “Каре”.»

Приказ в первой строке. Решение — во второй.

Я ответила:

«Я сама решу, что комментировать.»

Он прочитал сразу.

«Да.»

Вот и весь спор. От этого злило ещё сильнее.

— Воробьёв? — спросил Крылов.

— Созывает пресс-конференцию.

— Вы не пойдёте.

— Пойду.

— Как сотрудник фирмы — нет.

Я сняла пропуск и положила на стол.

— Как Милена Орлова.

Вера ждала внизу. На ней был строгий чёрный костюм и выражение лица, с которым выигрывают обеспечительные меры.

— Я подготовила три варианта заявления, — сказала она.

— Осторожный, жёсткий и тот, за который меня лишат сна.

— Пока молчим.

— Воробьёв уже у микрофона.

Трансляция шла на телефоне у охранника. Лев стоял в конференц-зале «Каре», один за высокой стойкой. Тёмно-синий костюм. Белая рубашка. Ни одного логотипа за спиной, только стекло и город.

Журналист спросил:

— Господин Воробьёв, существовал ли договор на девятьно ночей с Миленой Орловой?

— Да.

В зале заговорили все сразу.

— Это была оплата долга её отца?

— Формально — да.

— Вы принуждали её к интимным отношениям?

Лев посмотрел прямо в камеру.

— Нет.

— Но использовали финансовую зависимость.

— Да.

Я сжала телефон.

Он признавал именно то, что могло уничтожить его.

— Госпожа Орлова проводила аудит ваших компаний. Вы покупали её лояльность?

— Нет.

— Докажете?

— Все выводы «Север-Аудит» подтверждены независимыми специалистами. Я не платил Милене Орловой, не требовал изменить отчёт и не влиял на её работу.

— Почему тогда контракт?

Лев задержал взгляд на камере.

— Потому что я хотел её и воспользовался долгом. Ответственность — моя.

Вера тихо выругалась.

Следующий вопрос:

— Она была вашей любовницей?

— Нет.

— Кем?

— Свободным человеком, которому я задолжал правду.

Во мне что-то дрогнуло. Не прощение. Опасная близость к нему.

— Где сейчас госпожа Орлова?

— Не ваше дело.

Коротко. В его стиле. Журналисты загудели.

— Вы продолжаете отношения?

— Следующий вопрос.

— Контракт опубликован?

— Нет.

— Почему общество должно верить вам?

— Не должно. Следствие получит документы.

Лев выложил на стойку серую папку. Не ту, что у меня: копию.

— В ней доказательства схемы бывшего финансового директора Дмитрия Костина, связанной с долгом клиники, столбом четырнадцать и угрозами свидетелям. Сегодня материалы переданы в полицию.

Имя прозвучало публично.

Телефон Веры зазвонил. Она ответила, послушала и включила громкую связь.

— Милена Орлова? — спросил мужской голос. — Редакция «Деловой Москвы». Хотите прокомментировать обвинение Воробьёва в адрес Костина?

— Откуда у вас этот номер?

— Дмитрий Костин дал ваш контакт. Он утверждает, что вы участвуете в попытке рейдерского захвата его бизнеса.

— Записываете?

— Да.

Я посмотрела на Льва в трансляции. Он отвечал за себя. Теперь моя очередь.

— Запишите точно. Я старший аудитор «Север-Аудит». Я исследую движение денег между компаниями, связанными с господином Костиным, клиником Георгия Орлова и «Золотым Каре». Личные отношения со Львом Воробьёвым раскрыты работодателю и не меняют цифр.

Вера кивнула.

— Был ли секс за долг?

— Был контракт, который не должен был существовать. Он закрыт. Всё остальное — моя частная жизнь.

— Вы жертва Воробьёва?

— Нет.

— Его сообщница?

— Нет.

— Тогда кто вы в этой истории?

Я увидела своё отражение в стеклянной двери офиса.

— Аудитор. Запишите без кавычек.

Я отключилась.

К двенадцати тридцати у входа в «Каре» стояли машины телеканалов. Мы с Верой вошли через подземную парковку. Костя встретил у лифта.

— Лев Дмитриевич просил проводить в закрытую комнату.

— Нет.

— Там безопасно.

— Я не буду прятаться.

Костя посмотрел на Веру.

— Я предупреждал.

— Кого?

— Его.

Мы поднялись в конференц-зал. Пресс-конференция уже закончилась, журналистов выводили через главный вход. Лев стоял у стены с юристом «Каре». Увидев меня, оборвал разговор.

— Зачем приехали?

— Очень тёплая встреча.

— Здесь пресса.

— Я заметила.

— Вам нельзя попадать в кадр со мной.

— Опять решаете?

— Защищаю вашу работу.

— Моя работа уже в заголовке.

Он сделал шаг, остановился.

— Вы дали комментарий.

— Сама.

— Знаю.

— Тогда не говорите со мной как с нарушителем.

— Я говорю как человек, который видел угрозу на машине

Веры.

— А я вижу человека, который признал всё без согласования со мной.

— Это моя вина.

— И моя жизнь.

Журналистка выскользнула из-за колонны прежде, чем охрана её заметила. Камера телефона была направлена на нас.

— Госпожа Орлова! Вы пришли поддержать Воробьёва? Вера шагнула к ней, но я остановила.

— Я пришла получить документы для проверки.

— Вы его любите?

Лев стал неподвижным.

Я могла сказать «нет». Это было бы легко, полезно и, возможно, ложь.

— Этот вопрос не относится к проверке.

— Значит, да?

— Значит, вы не получили ответ.

Охрана увела журналистку. Телефон она не опустила.

Через минуту запись уже появилась в сети. Заголовок:

«Орлова отказалась отрицать любовь к владельцу “Капре”».

Лев посмотрел на экран, потом на меня.

— Теперь поедете через служебный лифт.

— Я никуда не поеду. Нам нужно обсудить Костина.

— Не здесь.

— Где?

Он нажал кнопку лифта В.

— На сорок седьмом.

Двери открылись. Внутри не было охраны.

Только мы.

Глава 9 · Без пунктов

Двери лифта закрылись, и Лев нажал «стоп».

Кабина не дёрнулась. Просто застыла между этажами. Мягкий свет, зеркало, красная кнопка под его пальцем. Снаружи — журналисты, охрана, Вера. Внутри — расстояние в полтора шага.

— Запустите лифт, — сказала я.

— Сначала ответ.

— На что?

— Зачем приехали.

— Я сказала. Документы.

— Их мог привезти Костя.

— Хотела увидеть вас.

Слова вышли раньше защиты. Лев убрал руку с панели, но движение не возобновил.

— Зачем?

— Проверить, не раскаиваетесь ли в пресс-конференции.

— Нет.

— Вы уничтожили репутацию.

— Свою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.